
ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ

УДК 001

DOI: 10.31249/scis/2024.02.06

Пястолов С.М.*

ПАТТЕРНЫ ПОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИОТЕХНИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Pyastolov S.M.

BEHAVIORAL PATTERNS OF RESEARCHERS IN THE CONTEXT OF SOCIOTECHNICAL TRANSFORMATIONS

Аннотация. Автор статьи утверждает, что паттерны поведения могут быть отнесены к разряду институциональных форм, и их динамика описывается при помощи модели развития институциональных форм (РИФ). Такой подход позволяет применять более эффективные управляющие воздействия в условиях драматических изменений в сфере науки, образования и технологий. Принятый сегодня термин «социотехнические трансформации» отражает лишь небольшую часть изменений институциональных структур. В то же время, событие «трансформации» сопровождается передачей «социальной эстафеты», и это может быть зафиксировано как изменение структуры институционального вектора (ИВ). Параметры структуры – четыре базовых нормы: утилитаризм (У), интерпретативная рациональность (ИР), эмпатия (Э), доверие (Д). С определенной долей условности в примере «Маршал –

* *Пястолов Сергей Михайлович* – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; piast_s@inion.ru

Pyastolov S.M. – Dr. in Economics, professor, Senior Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; piast_s@inion.ru

Конструктор» выявлены признаки-знаки модернистского проекта (советский контекст). Гипотеза о структуре ИВ в этих условиях: {У, Э, ИР, Д}. Следуя теоретическим построениям европейской философии науки (в частности идеям П. Фейерабенда) и российским традициям организации взаимодействия внутри научных сообществ, получаем идеальный желаемый вид структуры ИВ: {Д, Э, ИР, У}. Но этого, по ряду причин, будет недостаточно для «эстафеты». Воссоздание целостности науки возможно под эгидой структуры более высокого порядка, в роли которой может выступить конвенция достоинства. Достоинства ученых, достоинства науки.

Ключевые слова: эпистемология науки; Фейерабэнд; структура институционального вектора; развитие институциональных форм; социальная эстафета.

Abstract. The paper claims that patterns of behavior can be regarded as institutional forms, and their dynamics are described using the model of the Helical Institutional Development Scheme (HIDS). This approach allows for more effective control actions in the face of dramatic changes in science, education and technology. The term “sociotechnical transformations” adopted today reflects only a small part of the changes in institutional structures. At the same time, the event of “transformation” is accompanied by the transfer of the “social relay”, and this can be recorded as a change in the structure of the institutional vector (IV). Structure parameters: 4 basic norms –utilitarianism (U), interpretive rationality (IR), empathy (E), trust (T). With a certain degree of conditionality, the signs-attributes of a modernist project (Soviet context) are revealed in the “Marshal – Designer” example. The hypothesis about the structure of IV in these conditions: {U, E, IR, T}. Following the theoretical constructions of the European philosophy of science (in particular, the ideas of P. Feyerabend), according to the Russian traditions of organizing interaction within scientific communities, we get the ideal desired type of IV structure: {T, E, IR, Y, U}. But, for a number of reasons, this will not be enough for a proper “relay”. The restoration of the integrity of science is possible under the auspices of a higher-order structure, the role of which is reserved to the convention of dignity. The dignity of scientists, the dignity of science.

Keywords: epistemology of science; Feyerabend; structure of institutional vector; development of institutional forms; social relay.

Введение

Актуальность тематики укрепления эпистемологических оснований управления наукой, поиска адекватных нынешнему контексту онтологий обуславливается многими факторами. Среди них – фактор несоответствия ряда ранее созданных моделей управления, принятых терминов и подходов текущим изменениям в сферах науки, образования и технологий. Так, описательный термин «социотехнические трансформации» порой не оправдывает ожиданий. Дело в том, что такого рода трансформации приводят к изменениям индивидуальных представлений и институциональных форм, и, как следствие, к изменениям паттернов поведения. В ряде случаев наблюдаются изменения в морфологии человека¹. Это не укладывается в рамки социологии и других отдельно взятых наук. Нужны мульти-, меж- и трансдисциплинарные подходы. В то же время очевидна необходимость постоянного совершенствования моделей управления на базе моделей поведения, в нашем случае – участников процессов научного исследования и развития технологий.

Данная тема возникает в связи с обсуждениями теоретического наследия участников Венского кружка, концепций В.И. Вернадского, П. Сорокина, П. Фейерабенда, теории социальных эстафет [Розов, 2017] и др. В современных условиях, помимо прочих, вновь актуализируется так и не разрешенный вопрос о «социальном образе научного развития в аспекте историчности политического сознания» – именно в такой формулировке А.А. Али-заде трактует тезис Фейерабенда [Али-заде, 2024, с. 76].

Если Венский кружок выступал за императив эмпирического факта и математически оформленной логики как основы научного знания, то П. Фейерабэнд требовал «дать простор научно-исследовательской самоорганизации», несмотря на то, что на первых порах это может сопровождаться некоторым постмодернист-

¹ Речь идет об экологических аспектах современной морфологии и ее уровнях.

ским хаосом, «эпистемологической анархией» [Али-заде, 2024, с. 78–79].

В.Л. Тамбовцев приводит «экономический» аргумент в пользу тезиса Фейерабенда: исключение принципа конкуренции из производства научного знания (но не производства публикаций) приводит к росту потока статей, не несущих новых знаний [Тамбовцев, 2023, с. 13]. Однако такие статьи принимаются редакторами научных журналов, в том числе благодаря «эффекту Матфея», который поддерживается, помимо прочего, «паттерном цитирующего поведения» [там же]. Таким образом, доминирование тех или иных методологических подходов ограничивает академическую свободу исследователей и плюрализм в науке.

Паттерны поведения я отношу к разряду институциональных форм. Названные выше условия способствуют тому, что спираль развития институциональных форм [Пястолов, 2018], которые, по определению, наполнены знаниями, скручивается. Знания превращаются в информацию, информация становится просто данными на искусственных носителях. Это сопровождается ужесточением паттернов, догматов линейных моделей управления.

Вопросы о препятствиях на пути развития разнообразных, в том числе альтернативных научных направлений, связанные также с явлением снижения доверия общества к результатам научных исследований и науке как социальному институту, достаточно подробно обсуждались на страницах «Научоведческих исследований». И в данной статье я обращаюсь к теме идентификации атрибутов поведенческих моделей исследователей. Задачей исследования является обнаружение возможных изменений этих атрибутов в условиях социотехнических трансформаций.

Методом исследования выбран мысленный эксперимент, игровое моделирование, с тем чтобы на условном примере решения сложной технологической задачи выявить элементы поведенческих паттернов участников научно-технологического проекта в контексте «советской» версии линейного управления наукой и технологиями. Далее я оцениваю то, насколько возможно, чтобы обнаруженные элементы стали частью социальной эстафеты, передаваемой современным российским ученым.

Вопросы измерений

В науках, изучающих обобщенные характеристики человеческого поведения, апробирован ряд моделей, среди которых подпадают в определенной степени формализации и квантификации типы экономического поведения (по М. Веберу), модели «экономического человека» в неоклассической экономической теории, модели «социального человека» в экономической социологии и ряд других модельных множеств.

Конвенциональный подход позволяет в определенной степени унифицировать описание паттернов поведения. Так, если мы выделим в исследовательской деятельности присущие ей конвенции, то вопрос об их иерархии может быть решен посредством определения гибрида соглашений: технологического, творческой деятельности и др. (подробнее: [Пястолов, 2018; Пястолов, 2022]). Соглашения / конвенции могут быть также соотнесены с институциональным вектором, параметрами которого являются базовые нормы. Постулат применяемой здесь версии конвенциональной теории (КТ) гласит, что всего базовых норм четыре: утилитаризм (У), интерпретативная рациональность (ИР), эмпатия (Э), доверие (Д)¹. Их специфические сочетания («структурирующие структуры», по П. Бурдье), обобщая в определенной мере влияние множества факторов, характеризуют механизмы координации агентов в изучаемых мирах, редуцируемых до миров-конвенций (идея Л. Болтянски, Л. Тевено и других представителей французской КТ).

В текстах по социологии, институциональным исследованиям, экономической психологии и т.п. встречаются специфицированные наборы определений видов названных выше норм. Особенно это относится к нормам эмпатии и доверия. Так, «Руководство по измерению доверия» ОЭСР определяет семь видов доверия, в зависимости от отношений между гражданами, организациями и государственными лицами².

¹ Принимается следующее утверждение: «Доверие базируется на способности сообщества производить инкорпорированные когнитивные структуры, согласованные с объективными структурами» [Бурдье, 2007, с. 247].

² OECD Guidelines on Measuring Trust. – 2017. – URL: <https://www.oecd.org/sdd/oecd-guidelines-on-measuring-trust-9789264278219-en.html> (дата обращения 03.05.2024).

В то же время правдоподобной является гипотеза о том, что в конкретной ситуации, сложившейся в рамках отдельного проекта (технологического задания и т.п.), аналитик выбирает подходящее определение рассматриваемой нормы в соответствии с условиями определенной конвенции (институционального соглашения). В этом случае теоретически установленные параметры конвенции (этоса) становятся нормативами для оценки измеряемых величин.

Методология исследования

Рассматривая текущий контекст, приведем мнение И.Т. Касавина о том, что понятия из сферы норм и ценностей до недавнего времени не рассматривались как часть предмета эпистемологии, поскольку соответствующие суждения «казалось бы, не могут оцениваться с точки зрения истины» [Касавин, 2019, с. 8]. В обсуждении порой болезненных тем о ценностях¹, при необходимости сопоставить взгляды представителей различных школ, в том числе национальных, следует учитывать еще и особенности перевода.

Так, возможные варианты перевода понятия «self-integrity» на русский язык, очевидно, находятся несколько в стороне от позиции, занимаемой русским понятием «достоинство» в семантическом поле «эпистемологии добродетелей», о которой пишут И. Касавин и А. Каримов [Касавин, 2019; Каримов, 2021]. Кроме того, существенное значение имеют контексты ситуаций, в которых рассматриваются добродетели и ценности. Такие рассмотрения проводятся в рамках институциональных исследований, и далее предпринимается попытка онтологизации процесса получения суждения о ценности в структуре знаний об управлении наукой на примере категории «достоинство».

Приступая к построению структуры модели, обозначим предпосылки нашего подхода:

1. Множество предпосылок модели спирального развития институциональных форм (РИФ) (подробнее см.: [Пястолов, 2005; Пястолов, 2018]).

¹ ...к которым, помимо прочего, необходимо отнести доверие, достоинство, ответственность исследователя. – *Прим. авт.*

1.1. При рассмотрении исследуемых пространств РИФ учитываются различия пространств восприимчивости и доступности (подробнее см.: [Пястолов, 2016]).

2. Множество предпосылок теории социальных эстафет [Розов, 2017].

3. В рассматриваемом примере предполагаем, что «эстафета передается» от парадигмы условного модернизма (М) к находящимся на переднем плане общественного внимания версиям постмодернизма (по состоянию на 2024 г. для этой роли выбран метамодернизм (ММ): [Andersen, 2019]).

Выбор именно ММ из широчайшего спектра течений современной аналитической философии обусловлен, в первую очередь, фактором его «открытости». Нагнетание военной напряженности между блоками России и условного Запада, безусловно, нарушило прежнюю оптику, но не настолько, чтобы нельзя было рассмотреть социотехническую версию ММ как общетеоретическую структуру.

Римский клуб принял в качестве доклада 2020 г. текст молодого автора манифеста ММ¹. Привлекает в этом манифесте «нового поколения» радостное принятие смены моделей индустриального производства на еще только формирующееся, но, ожидаемо, лучшее будущее, готовность к открытому обсуждению, призыв отказаться от кровопролития (bloodbath), обычно сопровождающего «великие трансформации», благо знаний накоплено уже достаточно. Есть также пример удачного опыта «новой экономики». Фразу из манифеста о «несоответствии между нашим реальным миром и нашим пониманием его» можно трактовать как признание того, что «реальный мир» находится в пространстве восприимчивости наблюдателя, но пока не в пространстве доступности (см. предпосылку 1.1 выше).

¹ Доклад Римскому клубу–2020 называется «Bildung – продолжаем расти». Автор Л. Андерсен пишет, что для немецкого слова Bildung нет точного перевода на английский. Эта интерпретация всегда уникальна. «Начиная с 1770-х, немецкие философы обозначали этим термином особую форму внутреннего развития, что приобрело популярность среди буржуазии». В данном случае «буржуазия» – это жители городов. – *Прим. авт.*

Обращаясь к трактовкам модернизма¹, отмечу ряд характеристик этого течения, ставших атрибутами научно-технологического прорыва XX в. Прежде всего, на мой взгляд, это превалирование «модуса долженствования», выраженное в лозунге «Время – вперед!» (советский контекст). Под лозунгами такого рода формировался индустриальный мир, в рамках которого разрабатывались новые технологии, осуществлялась урбанизация. Однако принцип «война – последний довод королей» был частью «эстафеты» от предыдущей эпохи. Модернизм, тем не менее, отказывался принимать из прошлого технику мышления Просвещения, согласованность положений науки с догматами христианской религии. В особом положении оказывается категория «достоинство» в аспектах «достоинство науки», «достоинство ученого».

В связи с рассмотренной ранее классификацией типов ученых по принципу соотносимости с элементами множества: Наука = {Наука 1; Наука 2; Наука 3}², практическое значение имеет вопрос, какая группа из перечисленных выше будет безоговорочно отстаивать ценность достоинства ученого? Как известно из истории науки, даже небольшое отклонение от своих убеждений под давлением внешних авторитетов, пусть и с риском для жизни, считалось недостойным настоящего ученого.

Б.И. Пружинин утверждает: «наука теряет достоинство не потому, что к ней плохо относятся, а потому, что она теряет его внутри себя» [Достоинство знания..., 2016]. В.А. Лекторский, комментируя тезис В.Н. Поруса, говорит: «...нужно различать нормы и эмпирическое положение вещей, т.е. поведение тех или иных ученых... Но пока существует научное познание, оно не может не исходить из этих норм. В противном случае мы будем иметь дело не с наукой, а с чем-то другим» [Нуждается ли эпистемология., 2021]. Участники совещаний, в частности на площадках ведущих российских философских журналов, в целом поддержи-

¹ «Модернизм» как научный термин первоначально возник в сфере искусствоведения.

² Признаки данных элементов: (1) «чистая наука», (2) гибрид: «чистая наука» ПЛЮС научно-административный интерес, (3) «наука = политика» [Resilience scientists..., 2015].

вают такие мнения, тем самым отдавая приоритет «науке 1» (чи-
стая наука).

Библиометрические свидетельства

Также полезны в связи в рассматриваемой тематикой и дан-
ные научно-информационных ресурсов. Так, ресурс e-library со-
общает, что понятие «достоинство» в течение пяти лет после даты
проведения круглого стола ВФ стало интересовать ученых, пишу-
щих на русском, примерно в семь раз меньше, чем за пятилетний
период перед данным событием¹.

Ресурс Google Books Ngram Viewer² помог получить инфор-
мацию о том, что пики частот упоминаний слов «достоинство зна-
ния» за период 1900–2019 гг. в русскоязычных публикациях при-
ходятся на 1918 г. Самый высокий пик: $0,5 \cdot 10^{-40}\%$, 1922–1924 гг.
(возможно, пост-шок после визита Г. Уэллса), 1946–1951 гг., 1957 г.;
далее идут периодические небольшие всплески (возможно, около
десятка публикаций) с понижающимся трендом. Если взять соот-
ношение частот упоминаний понятия «достоинство» к частотам
упоминаний понятия «свобода воли» в качестве контрольного па-
раметра, то можно получить (косвенное) свидетельство того, что к
понятию достоинства как моральному благу власть и наука обра-
щаются в самые трудные моменты истории. График с изображени-
ем значений названного соотношения в русскоязычных публика-
циях за период 1900–2019 гг. позволяет увидеть самый высокий
пик в 1943 г. Пики меньшей высоты приходятся на годы: 1913–
1914, 1919–1920, 1945–1946, 1935–1936, 1956–1957, 1979–1981,
1987 (в порядке убывания контрольного показателя). На сего-
дняшний период относительный показатель, как и частоты упоми-
наний сочетания «достоинство знания», в русскоязычных публи-
кациях демонстрирует стабильно убывающий тренд. В то же время
тренд для частот упоминаний понятия «self-integrity» в англоязыч-

¹ Измеряется количество публикаций, содержащих данное слово. В 2009 г.
число соответствующих публикаций составило 78% от всего объема за период
2016–2021 гг. (почти 35 тыс.).

² <https://books.google.com/ngrams/>

ных публикациях резко возрастает (особенности перевода, по моему мнению).

На основании единичных опытов пилотного библиометрического эксперимента делать какие-либо нормативные утверждения опрометчиво. Попробуем далее применить подход мысленного моделирования.

Учебный пример «Маршал – Конструктор»

Задача мысленного эксперимента: на основе фактических данных об известном событии в научно-технической сфере идентифицировать некоторые основные поведенческие паттерны «советского модерна», выраженные посредством семантических категорий; оценить возможность сохранения значимости категории «достоинство» в комплексе «эстафеты», передаваемой в цепочке «модерн» – «постмодерн» – «метамодерн» (условные обозначения темпоральных состояний российского пространства науки и технологий).

Речь идет об известном событии, вызывающем мощный эмоциональный отклик, который до сих пор еще не осмыслен в полной мере – катастрофе на космодроме Байконур 24.10.1960. Мы не связываем реальных людей с персонажами мысленного (игрового) сценария, не стремимся к точности в описании технических и поведенческих деталей. Это – не реконструкция, а попытка концептуального моделирования (онтологизации) ситуации в контексте «советского модерна».

Действующие лица: Партийный Руководитель (ПР), Маршал (М), Главный Конструктор (ГК), Заместитель Главного Конструктора (ЗГ).

Фабула. ПР ставит задачу: испытательный пуск новой ракеты – носителя ядерного заряда должен состояться к празднику 7 ноября. Исполнители понимают геостратегическую значимость задания и готовы приложить все свои силы к его выполнению. Однако есть существенные проблемы – ракета доставлена на стартовую площадку с большими недоработками, в том числе: дает сбой автоматическая система управления запуском; нет гарантированной герметичности в системах подачи топлива. Особую опасность представляет последнее – топливо двухкомпонентное и очень ток-

сичное. После заправки ракеты запуск должен состояться обязательно: слить топливо невозможно технологически. Процессами запуска управляет «автоматика». Однако такой выбор топлива позволял подготовить ракету к запуску не более чем за сутки после получения приказа. В предыдущей версии ракеты, работавшей на смеси водорода и кислорода, требовалось более двух недель, и затраты были гораздо больше.

За неделю до запуска выясняется: неисправности неустраняемы, изделие необходимо демонтировать и делать новое (в европейской части СССР, за 3 тыс. км от места старта). Это – невыполнение задания **ПР**, риск эскалации военного ядерного конфликта. Не считая огромных затрат. На Байконур уже прибыло подразделение артиллеристов с Дальнего Востока, несколько сотен бойцов.

Государственная комиссия собирается экстренно на Байконуре. **М** настаивает на продолжении подготовки к запуску и устранению неисправностей на месте. Это запрещено инструкциями, но Госкомиссия имеет полномочия написать новые. **ГК** пытается возразить. **ЗГ** – в отпуске.

За сутки до намеченного запуска на стартовой площадке трудятся и наблюдают более 300 человек, хотя по инструкции там должен находиться только пусковой расчет: 10–12 человек. Ядовитое горючее из протекающих баков собирают ведрами, специалисты фиксируют неполадки в системах контроля и электроснабжения. **М** занял место на раскладном стуле в десятках метров от аварийного изделия, морально поддерживая исполнителей. **ЗГ** успел добраться до стартовой площадки, используя привилегии лауреата Ленинской премии. Он находится на объекте недалеко от **М**, когда нештатно срабатывает автоматика и начинается неконтролируемый запуск. Через несколько минут происходит взрыв и пожар, в результате которых **М** и **ЗГ** погибают, в числе 126 военнослужащих и гражданских специалистов¹. **ГК** «отошел покурить» еще с несколькими специалистами, остался жив, доложил о происшествии **ПР**. **ПР** задал вопрос: «А ты почему живой?»

«Модернизированная» ракета была запущена через несколько месяцев. **ГК** получил вторую звезду Героя Труда.

¹ С учетом умерших позже в госпиталях.

Контуры эпистемологического анализа

В рассмотрении конкретных ситуаций с определенной целью, как в нашем случае, эпистемологический анализ, по существу, имеет признаки герменевтического. Обобщающая структура такого аналитического подхода базируется на семиотической теории Ч. Пирса, в частности, на его трактовке знака. К этой трактовке синергично добавляются версии понимания знака Л. Витгенштейном и М. Фуко. Расшифровка идеи троичности слова в авторской трактовке представлена множеством: {знак, образ, действие}. Слова текста описания рассматриваемой ситуации выступают в роли своеобразных фракталов – точек, из которых может быть распакован смысл описываемого феномена. Признаки (атрибуты) феномена становятся знаками, связанными с образами, видимыми в соответствующем контексте и подтверждаемыми действиями субъекта.

Отметим ряд признаков-знаков модернистского проекта, которые обнаруживаются в примере «Маршал – Конструктор».

1. Ясность цели, достижимой в рамках индустриального соглашения; обязательность ориентации на результат и на сроки его достижения.

2. Линейность системного времени с обозначенными началом и завершением текущих проектов.

3. Неполнота информации о проекте, непроработанность деталей, провалы в системах материального стимулирования и мотивации компенсируются усилиями по созданию систем нематериального поощрения, семантических мотиваций; поддерживается убеждение (мем) о высоком достоинстве советского человека.

4. В экономической сфере и сопряженных с ней декларируется враждебность окружающей среды; «борьба с природой» – на первых страницах учебника политэкономии.

5. Исходная структура институционального вектора проекта не сохраняется длительное время; наблюдения свидетельствуют о постоянно растущей доле корректирующих семантических воздействий в арсенале управления.

Структура институционального вектора модернизма в лексикографической форме (в порядке значимости норм) выглядит следующим образом: {У, Э, ИР, Д} (гипотеза автора¹).

Возвращаясь к примеру, заметим: **М**, очевидно, вел себя рационально (утилитарно, в логике проекта), принимая решения на ограниченном участке линейного времени. Так же вел себя **ЗГ**, но **ГК** и те, кто отошел не просто «покурить в менее опасное место», но прежде всего – обсудить возможности отмены неудавшегося запуска и подготовки нового, уже отклонились от паттернов модернистского проекта, не обязательно в сторону ММ или хотя бы постмодерна, но уже на некоторое удаление от позиции М. Если оценивать меру достоинства, то, по крайней мере, **ПР**, отвечавший за ракетные вооружения, ставил достоинство Маршала гораздо выше достоинства Главного Конструктора. Ведь, только сверившись с мнением другого **ГК** (конкурента первого), **ПР** решил оставить первого во главе ракетного проекта.

В то же время категория достоинства ученого остается довольно сложноопределяемой [Пястолов, 2022]. Так, «академические» европейские философы выделяют четыре этапа развития идеи человеческого достоинства (ЧД). (1) Тезисы Цицерона, исходящие из космоцентризма античности, в которых ЧД определялось на основе природы. (2) Учение Ф. Аквинского объясняло ЧД отношением к Христу, способностью творить молитву как средство (пространство) «общения с Богом» [Lebech, 2020]. (3) И. Кант представлял ЧД как дань разуму в контексте логоцентризма его Современности. (4) Полис-центрированная структура постмодерна объясняет ЧД в связи с социальной приемлемостью (толерантностью). Каждое из определений ЧД может быть понято как «источник идеи, изложенной в Декларации прав человека» [Lebech, 2004].

С достаточной долей условности «достоинство» в контексте «модернизма» можно определить как овеществление утилитаризма в контексте линейного системного времени. Это, по всей видимости, соответствует третьему из перечисленных выше этапов. Однако при движении от «модернизма» в сторону ММ (или другую)

¹ См. подробнее методики расчета в: [Пястолов, 2005], в контексте разработок А. Олейника.

в атрибутах определения меняются характеристики времени. Это может быть: линейное время финансов, цикличное время экологического мира-соглашения, дискретное (кусочно-разрывное линейное) время индустрии и т.д. Можно также варьировать характеристики институциональных норм – от тех, что указаны выше, к другим, возможно пока еще не явленным, с ростом мерности пространства исследований.

Однако так мы вновь приходим к «постмодернистскому хаосу» (о котором, как о возможном результате следования тезисам П. Фейерабенда, пишет А. Али-заде выше). Вряд ли условный Маршал воспринял бы идеи такого рода. Но такое отношение чревато катастрофами.

Регулятор советского ВПК стремился предотвращать подобные риски. В авиастроении, например, это были конкурирующие конструкторские бюро (Туполева и Микояна). О крайне негативной роли бюрократии и автаркии ВПК писал Ю.В. Яременко в своей «Теории и методологии исследования многоуровневой экономики», 2000 г. А.Н. Терехов, один из первых в СССР разработчиков трансляторов и кросс-трансляторов языков со статическим контролем типов для различных платформ, вспоминает следующее: «На выставке “ЭВМ в Советской армии”, 1984 г., Москва, было представлено более 200 типов ЭВМ, не считая мелких брызгов... Это 200 операционных систем, 200 комплектов ЗИП – запасных изделий и приборов. Иными словами, расточительство. В Америке тогда была одна стандартная оборонная машина – Interdata 8/32. Одна! И один базовый язык – Ада. А у богатого Советского Союза 200 машин, и попробуй кому-нибудь возрази. Я несколько раз выступал в оборонном отделе ЦК КПСС в Москве: “Давайте сделаем одну машину”. “Андрей, не лезь”, – отвечали мне вежливо, но твердо¹». Напрашивается вывод о сохранении модернистских паттернов² со стороны регулятора ВПК и о практической невозможности менять паттерны исследовательской работы самим ученым.

¹ <https://habr.com/ru/companies/dataart/articles/468073/>

² Здесь, в развитие п. 3 из списка признаков – знаков модернистского проекта, отметим его уязвимость со стороны бюрократии («микрофашизм»). – *Прим. авт.*

Онтологизация процессов динамики институциональных форм в контексте социотехнической трансформации в чем-то аналогична разработке правил игры. В рассмотренном выше примере игра, по сути, является казуальной (сценарной). Шахматы, например, могут быть отнесены ко множеству инструментов модернизма. Если искать на этих уровнях место достоинству в структуре управления наукой, то это, очень условно, будет достоинство исполнителя. Такой ресурс, как Достоинство человека, осознающего в себе триединство тела, души и духа, скорее будет полезен тем управленцам, кто предпочитает игры от уровня Hard Core и их развитие до космических уровней.

Обозначим также характерное свойство перехода от одной онтологии к другой. В случае перехода от философии модернизма к условному постмодернизму видно, что он осуществлялся и продолжает осуществляться в форме «квантового скачка», хотя, возможно, и не в один момент. Так, с 1954 г., с приходом к власти Н.С. Хрущёва в кратчайшие сроки было остановлено 14 крупных технологических проектов геостратегического значения. В начале 1990-х драматически завершилась история советского космического челнока «Буран», так же как и ряда других проектов цивилизационного уровня.

Моральная оценка этих событий, на мой взгляд, не может быть произведена корректно: недостаточно информации для квалифицированного суждения наблюдателя сложностной системы. Фактор проигрыша в холодной войне остается элементом «конспирологических» теорий, а модель смены технологических укладов не объясняет некоторых существенных моментов произошедшего и происходящего.

Тем не менее я утверждаю, что сохранение модернистского формата институционального вектора в составе эстафеты, передаваемой современным российским ученым, вряд ли будет способствовать достижению целей, перед ними поставленных. Предполагаю, что продуктивным будет еще более внимательное изучение, в том числе при помощи средств институционального анализа, опыта предшествующих структур: сетевых сообществ «республики ученых» различных времен, в числе прочего «Братства» Вернадско-

го¹; домашних собраний у профессоров, деятелей науки, искусства; работу Советов главных конструкторов в СССР и др. Гипотеза о структуре институционального вектора в этом случае: {Д, Э, ИР, У}.

Однако этого, вероятно, будет недостаточно: язык науки за прошедшие годы потерял многое из своей образной составляющей. «Важные стороны жизни стали невыразительными и бесцветными, а термины, привязанные к конкретным обстоятельствам, соответственно потеряли свое содержание, важность или просто исчезли» [Feuerabend, 2019, p. 17].

Эксперты отмечают отчуждение науки от общества, отчуждение регулятора от ученых [Али-заде, 2024; Science for policy, 2020]. Воссоединение в духе «чистой науки» возможно под эгидой структуры более высокого порядка, в роли которой может выступить конвенция достоинства. Достоинства ученых, достоинства науки.

Обсуждение и заключение

В рассмотренном здесь примере ситуация представлена действительно экстраординарная. Хотя известное изречение «поэта и гражданина» Н.А. Некрасова «дело прочно, когда под ним струится кровь» и предполагает некое метафизическое «оправдание», но «экономическая» и «технологическая» рациональность протестуют. Можно также трактовать данный пример как проявление феномена отчуждения человека от технологий и отчуждения регулятора от процессов научного исследования. К сожалению, похожие примеры нередки в практике научно-технологической деятельности, пусть они и не так драматичны во внешних проявлениях, а последствия могут быть значительно отложены по времени. Важно отношение к такого рода феноменам.

Так, британские ученые на исходе кредитного кризиса, не сумев в ходе визита своей королевы в Лондонскую школу экономики в ноябре 2008 г. сразу подобрать ответ на простой вопрос: «А почему никто этого не замечал?», ответили письмом более чем

¹ Неретина С.С. «Братство» Вернадского. – URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/orientiry/or_9/70-82.pdf?ysclid=loj5w7va6g244770406 (дата обращения: 05.11.2023).

через полгода, сформулировав не экономический, а «психологический» аргумент в духе кейнсианской метафоры: «Трудно найти более наглядный пример самонадеянного мышления, замешанного на спеси»¹. Увы, похожий тип мышления до сих пор демонстрируют многие национальные регуляторы.

Диагноз: «провал реформы образования» сформулирован в коллективной монографии новосибирских экспертов [Современное российское образование, 2023]. Последствия придется преодолевать еще длительное время, в том числе посредством «очищения образования от наносного и возвращения к корням» [Семёнов, Сказочкин, 2023]. К описанию этих и других похожих примеров можно добавить диагноз П. Фейерабенда: «экзистенциальное общиание».

А.А. Али-заде, в ряду многих коллег, возлагает надежды на «новую общественную парадигму». В ее основании, в частности, лежат «идеи Вернадского (ноосфера), Тейяра де Шардена, а также и К. Поппера с его представлением о “третьем мире” – мире идей, задающем вектор общественного развития» [Али-заде, 2024]. Весьма содержательным представляется суждение философа о единственности цивилизации: речь может идти о множестве культур – но не цивилизаций. «Не может быть “межцивилизационных” войн, но из-за неравномерного развития человеческих культур вполне реальны войны между цивилизованными и демонстрирующими варварское поведение культурами» [Али-заде, 2024, с. 80].

Таким образом, цель исследований и поиска эффективных методов организации управления паттернами поведения и рутинами в научных организациях состоит не только в обеспечении цивилизационных достижений, но, скорее, в продвижении культуры «чистой науки» и ученых – приверженцев науки именно такого типа.

Список литературы

- Али-заде А.А.* Историческая школа философии науки и социально-исторический процесс // Наукоевческие исследования. – 2024. – № 1. – С. 67–80.
- Бурдые П.* Социология социального пространства: пер. с франц. / отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя. – 2007. – 288 с.

¹ <https://www.cbsnews.com/news/british-economists-to-queen-were-sorry/>

Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы «круглого стола» // *Вопросы философии*. – 2016. – № 8. – С. 20–56. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1451&Itemid=52 (дата обращения: 21.01.2022).

Каримов А.Р. К знанию через добродетели: об основаниях аретического подхода в эпистемологии // *Эпистемология и философия науки*. – 2021. – Т. 58, № 4. – С. 6–21.

Касавин И.Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // *Эпистемология и философия науки*. – 2019. – Т. 56, № 3. – С. 6–19.

Нуждается ли эпистемология и философия науки в обращении к эмпирическим фактам? Дискуссия / В.Н. Порус, Ж.К. Загидуллин, Н.И. Кузнецова, В.А. Лекторский // *Философия науки и техники*. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 29–35.

Пястолов С.М. Динамика институциональных форм на переднем крае науки // *Journal of institutional studies*. – 2018. – № 1. – С. 107–124.

Пястолов С.М. Общественный договор о науке: конвенция достоинства // *Вопросы философии*. – 2022. – № 9. – С. 202–213.

Пястолов С.М. Научная дисциплина в пространстве восприимчивости // *Психолого-экономические исследования*. – 2016. – Т. 3–9, № 3. – С. 40–59.

Пястолов С.М. Особенности предложения труда российских домохозяйств // *Вопросы экономики*. – 2005. – № 8. – С. 124–138.

Розов М.А. Что такое теория социальных эстафет // *Эпистемология и философия науки*. – 2017. – Vol. 51, № 1. – С. 230–239.

Семёнов Е.В., Сказочкин А.В. Проект очищения образования от наносного и возвращения к корням // *Управление наукой: теория и практика*. – 2023. – № 5 (4). – С. 225–236. – Рецензия на коллективную монографию: Современное российское образование: вызовы и ответы: монография / О.А. Донских, В.И. Клисторин, Л.Ю. Логунова [и др.]; под общ. ред. О.А. Донских; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск: НГУЭУ, 2022. – 274 с. – Источник: <https://www.science-practice.ru/index.php/science/article/view/364> «Современное российское образование: вызовы и ответы»

Современное российское образование: вызовы и ответы: монография / О.А. Донских, В.И. Клисторин, Л.Ю. Логунова [и др.]; под общ. ред. О.А. Донских; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск: НГУЭУ. – 2022. – 274 с.

Тамбовцев В.Л. Что стоит за требованием плюрализма в экономической науке? // *Journal of Institutional Studies* = Журнал институциональных исследований. – 2023. – № 15 (1). – С. 6–22.

Andersen L.R. Metamodernity. Meaning and Hope in a Complex World. *Nordic Bildung*. – 2019. – 138 p.

Feyerabend P. Potentially every culture is all cultures // *Common Knowledge*. – 2019. – N 25 (1–3). – P. 13–20.

Lebech M. Deus qui humanae substantiae dignitatem: A Latin Liturgical Source Contributing to the Conceptualization History of Human Dignity // Maynooth Philosophical Papers. – 2020. – N 10. – P. 117–133.

Lebech M. What is Human Dignity? // Maynooth Philosophical Papers / National University of Ireland. – 2004. – N 2. – P. 59–69. – URL: https://mural.maynoothuniversity.ie/392/1/Human_Dignity.pdf (date of access: 9.02.2022).

Resilience scientists as change-makers – Growing the middle ground between science and advocacy? / M. Milkoreit, M.-L. Moore, M. Schoonc, C.L. Meek // Environmental science & policy. – 2015. – N 53. – P. 87–95.

Science for policy. Handbook / Sucha V., Sienkiewicz M. (eds.). – Amsterdam; Oxford; Cambridge: Elsevier, 2020. – 288 p.

References

Ali-zade A.A. Historical school of philosophy of science and socio-historical process // Science Studies. – 2024. – N 1. – Pp. 67–80. (In Russian)

Andersen L.R. Metamodernity. Meaning and Hope in a Complex World. Nordic Bildung. – 2019. – 138 p.

Bourdieu P. Sociology of social space / Translated from French; ed. of translation by N.A. Shmatko. – M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2007. – 288 p. (in Russian)

Feyerabend P. Potentially every culture is all cultures. Common Knowledge. – 2019. – N 25 (1–3). – Pp. 13–20. DOI:10.1215/0961754 X-7299054.

Karimov A.R. Through virtues to knowledge: on the foundations of aretaic approach in epistemology. Epistemology & Philosophy of Science. – 2021. – Vol. 58, N 4. – Pp. 6–21. (In Russian).

Kasavin I.T. Virtue epistemology: on the 40 th anniversary of the turn in analytical philosophy. Epistemology & Philosophy of Science. – 2019, vol. 56, N 3, Pp. 6–19. (In Russian)

Lebech M. Deus qui humanae substantiae dignitatem: A Latin Liturgical Source Contributing to the Conceptualization History of Human Dignity. Maynooth Philosophical Papers. – 2020. – N 10. – Pp. 117–133.

Lebech M. What is Human Dignity? Maynooth Philosophical Papers, National University of Ireland, 2004. – N 2. – Pp. 59–69. https://mural.maynoothuniversity.ie/392/1/Human_Dignity.pdf (date of access: 9.02.2022).

Milkoreit et al. Resilience scientists as change-makers – Growing the middle ground between science and advocacy? / M. Milkoreit, M.-L. Moore, M. Schoonc, C.L. Meek // Environmental science & policy. – 2015. – N 53. – Pp. 87–95.

Modern Russian education: challenges and answers: monograph / O.A. Donskikh, V.I. Klistorin, L.Yu. Logunova [et al.]; under the general editorship of O.A. Donskikh; Novosibirsk State University of Economics and Management. Novosibirsk: NGUEU, 2022. – 274 p. (in Russian)

Porus V.N. et al. Does epistemology and philosophy of science need to address empirical facts? Discussion / V.N. Porus, J.K. Zagidullin, N.I. Kuznetsova, V.A. Lec-

torsky // Philosophy of science and technology. – 2021. – vol. 26. – N 2. – Pp. 29–35. (In Russian)

Pyastolov S.M. Dynamics of institutional forms at the forefront of science // *Journal of Institutional Studies*. – 2018. – N 1. – Pp. 107–124. (In Russian)

Pyastolov S.M. Features of the labor supply of Russian households // *Problem of Economy*. – 2005. – N 8. – Pp. 124–138.

Pyastolov S.M. A scientific discipline in the perceptual space // *Psychological and economic research*. – 2016. – T. 3–9. – N 3. – Pp. 40–59. (in Russian)

Pyastolov S.M. Social contract for science: the convention of dignity // *Problem of Philosophy*. – 2022. – N 9. – Pp. 202–213. (In Russian)

Rozov M.A. What is the theory of social relays. Epistemology and philosophy of science. – 2017. – Vol. 51. – N 1. – Pp. 230–239. (In Russian)

Semenov E.V., Skazochkin A.V. The project of cleansing education from alluvial and returning to the roots. Review of the collective monograph “Modern Russian Education: challenges and answers” // *Management of Science: Theory and Practice*. – 2023. – N 5 (4). – Pp. 225–236 (in Russian)

Sucha V., Sienkiewicz M. eds. Science for policy handbook / Sucha V., Sienkiewicz M. (eds.). – Amsterdam; Oxford; Cambridge: Elsevier, 2020. – 288 p.

Tambovtsev V.L. The claim for pluralism in economics: what is behind it? // *Journal of Institutional Studies*. – 2023. – 15 (1). – Pp. 6–22 (in Russian).

The dignity of knowledge as a problem of modern epistemology. Materials of the “round table” // *Issues of philosophy*. – 2016. – N 8. – Pp. 20–56. https://phil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1451&Itemid=52 (in Russian) (date of access: 01.21. 2024).